

Шевченко—учитель гуманизма.

Всѣ великіе поэты оказываютъ своими произведеніями воспитательное воздѣйствіе на души юношества и дѣтей; созданные ими образы обладаютъ особою силою вызывать къ жизнедѣятельности всѣ лучшія чувства читателя и освѣщать дѣйствительность яркимъ свѣтомъ, въ которомъ выступаетъ правда и неправда въ непримиримыхъ контрастахъ. Въ великихъ твореніяхъ поэтовъ юношество находятъ отвѣты на вѣчные волнующіе его вопросы жизненнаго несовершенства. Среди славянскихъ поэтовъ послѣдняго столѣтія однимъ изъ выдающихся учителей правды былъ украинскій поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, оставившій въ поученіе многихъ грядущихъ поколѣній свою безсмертную книгу стиховъ—«Кобзарь». 26-го февраля текущаго года исполняется 50 лѣтъ со дня смерти великаго поэта. Помянуть этотъ день собирается не только вся Украина, но и главные центры русской общественной и умственной жизни—Москва и Петербургъ. Этотъ день почти совпадаетъ съ тѣмъ великимъ днемъ пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ, который празднуется всей Россіей. Поэтъ Украины не дожилъ всего нѣсколькихъ дней до обнародованія манифеста о волѣ (5 марта); больной, измученный, онъ ждалъ манифеста какъ лучшей радости своей страдальческой жизни. Самъ бывший крѣпостной, сынъ и братъ крѣпостныхъ, онъ собственнымъ горькимъ опытомъ зналъ весь ужасъ закрѣпощеннаго состоянія миллионновъ людей. Въ Украинѣ это иго крѣпостничества переносилось особенно тяжело: слишкомъ живы тамъ были еще воспоминанія о независимости, слишкомъ

неожиданно введено было среди свободнаго населенія крѣпостное угнетеніе. И выразителемъ страданій украинскаго народа выступилъ Шевченко. Поэзія его съ художественной простотой рисуешь цѣлый рядъ правдивыхъ картинъ народнаго горя и униженія, проникнутыхъ глубокимъ трагизмомъ. Эти картины конечно пробуждаютъ въ душѣ читателя сочувствіе къ страданіямъ людей. Но не однимъ этимъ пробужденіемъ симпатическихъ чувствъ исчерпывается гуманное вліяніе Шевченка: весь «Кобзарь» одушевленъ однимъ горячимъ чувствомъ, переполнявшимъ душу поэта,—любовью къ родинѣ:

Я такъ її, мою Україну, любив,
За неї душу положив...

Чувство любви къ родинѣ въ Россіи осложнено многими политическими и историческими причинами, часто оно принимаетъ отталкивающій агрессивный характеръ. Вотъ почему разумные воспитатели въ большинствѣ случаевъ обходятъ вопросъ о его развитіи и во всякомъ случаѣ подходятъ къ нему съ большою щепетильностью. Даже слово *патріотизмъ* носить въ русскомъ языкѣ какой то чужой, искусственный звукъ и не вызываетъ въ нашей душѣ ничего теплаго, любящаго. Между тѣмъ нельзя не признать всю силу рационально и любовно взлелѣяннаго въ душѣ ребенка чувства любви къ родинѣ. Въ этомъ отношеніи Шевченко учитель наилучшій: его душа была полна любовью къ родинѣ: одинокій, глубоко несчастный въ своей личной жизни, онъ любилъ Украину со всей нѣжной преданностью сына. Для него Украина была конкретнымъ объектомъ любви: своей красотой она чаровала его художественное чувство прекраснаго; онъ признается въ этомъ совершенно просто: «І виріє я на чужині, І сивію в чужому краї Та одинокому мені Здається—кращаго (лучшаго) не має Нічого в Бога, як Дніпро Та наша славна країна». Онъ знаетъ, что этотъ прекрасный край стонетъ отъ людскаго горя, но когда поэту удастся отрѣшиться отъ соціального зла, хоть на минуту отвернуться отъ того, какъ «скризь (вездѣ) на

славній Україні Людей у ярма запрягли пани лукаві»,
тогда онъ весь отдается красотѣ природы своей родины,
и ему кажется, что и на «Украинѣ добро».

Між горами старий Дніпро
Красується, лобується
На всю Україну
А по над ним зеленіють
Широкі села.

Изъ далекаго изгнанія, перелетая мыслью въ украинское село, онъ съ восторгомъ восклицаетъ:

Село, і сердце отпочине (отдохнетъ),
Село на нашій Україні,
Неначе (точно) писанка село!
Зеленим гаєм поросло,
Прітуть сади, біліють хати
А на гори стоять палати
Неначе диво, а кругом
Широколисті тополі.
А там і ліс, і ліс, і поле
І сині гори за Дніпром...
Сам Бог вітає над селом!..

Здѣсь чувствуется непосредственное переживание самого поэта, чувствуется, какъ дорогъ ему и этотъ лѣсъ, и садъ, и тополя. Въ ссылкѣ, изъ душевной казармы, гдѣ онъ томился десять лѣтъ, онъ взываетъ къ этимъ же дорогимъ мѣстамъ: «Ой зоре, зоре! чи ти зійшла вже на України?»... Онъ проситъ звѣзды рассказать ему, «як за горою сонечко сідає, як у Дніпра веселочка (радуга) воду позичає!» Страшась умереть въ изгнаніи, въ орской крѣпости, онъ взываетъ къ вѣтру: «Аби хоч крихотку (крошечку) землі Ізза Дніпра мого святого Святі вітри принесли!» Онъ вспоминаетъ въпустыні желтой, ровной свои горы высокія, хорошія. На минуту отчаяніе отъ горькой доли Украины вызываетъ у Шевченка проклятіе этимъ горамъ, не защитившимъ его родину отъ неволи. Но тутъ же любовь беретъ верхъ надъ гнѣвомъ:

Простить високий мені
Високий і голубий
Найкращі в світі, найсвятій!
Простіть! Я Богу помолось...

Я так її, я так люблю
Мою Україну убогу
Що прокляну святого Бога
За неї душу погублю!

Получается впечатлѣніе дѣтски чистой души, преисполненной любви безавѣтной къ этому кусочку вселенной, прекрасному, страдающему и нуждающемуся въ работѣ преданныхъ ему дѣтей.

При такой непосредственной и въ то же время сознательной любви къ родинѣ глубокой искренностью звучитъ извѣстное стихотвореніе Шевченка:

Мені однаково, чи буду
Я жить в Україні, чи ні,
Чи хто згадає, чи забуде
Мене в снігу на чужині.
Однаковісенько мені.
В неволі виріс між чужими
І неоплаканий своїми,
В неволі плачучи умру
І все з собою заберу,
Малого сліду не покину
На нашій славній Україні
На нашій—не своїй землі
І не пом'яне батько з сином
Не скаже синові: „молись,
Молися сину: за Україну
Його замучили колись“.
Мені однаково, чи буде
Той син молитися, чи ні.
Та не однаково мені,
Як Україну злиі люде
Присплять лукави,—і в огні
Її окрадену збудять...
Охъ, не однаково мені!

Въ этомъ стихотвореніи каждая строка—кровавая рана, неутолимая скорбь души, потерявшей надежду на счастье: все изболѣло, одно осталось живое мѣсто—это тревога за Украину. Человѣкъ, пережившій это стихотвореніе, имѣлъ полное право оставить людямъ такой властный завѣтъ

Свою Україну любить,
Любить її... во время люте

В останню, тяжкую годину (минуту)
За неї Господа молити!

Здѣсь поднимается вопросъ, такъ часто превращавшійся въ упрекъ, въ обвиненіе друзьямъ и послѣдователямъ украинскаго поэта: зачѣмъ же любить только Украину? зачѣмъ этотъ «*amour du clocher*», узкое поклоненіе одному мѣсту, случайно близкому по мѣсту рожденія или по годамъ дѣтства, проведеннымъ въ немъ? развѣ страданія людей должны вызывать наше сочувствіе только въ Украинѣ, или вообще въ родной области? развѣ для широко развитаго человѣка не вся вселенная заслуживаетъ вниманія? Чтобы разобраться въ этихъ вопросахъ, конечно надо было бы призвать на помощь и антропологию, и философію, и психологию; намъ же, съ той воспитательной точки зрѣнія, съ какой мы разсматриваемъ поэзію Шевченка, интересенъ одинъ вопросъ: такая любовь къ родинѣ, какой учить насъ «Кобзарь», вліяетъ ли она положительно на нравственное усовершенствованіе молодого поколѣнія или отрицательно? Отвѣтъ конечно ясенъ: какъ всякое сильное искреннее чувство, она не можетъ не вызвать сочувствія въ чуткой молодой душѣ; какъ построенная на самоотверженной любви къ ближнему, эта любовь къ родинѣ является той основой, на которой наилучше могутъ возрасти положительныя начала гуманизма. До сихъ поръ мы останавливались на тѣхъ мѣстахъ «Кобзаря», въ которыхъ особенно чувствовалась непосредственность этого сильнаго чувства у Шевченка. Теперь посмотримъ, какъ любовь къ родинѣ тѣсно сплелась у украинскаго поэта съ лучшими нравственными идеалами, а всѣ идеалы Шевченка не лежали прописями въ томъ или другомъ отдѣленіи разсудка, разума, воображенія, а воплощались въ чувство и ставали яркими поэтическими образами, воплощались имъ въ жизни.

Какъ и за что любилъ Шевченко весь конкретный комплексъ, называемый Украина? Природу ея—конечно за красоту, за ту связь, которая соединяла его съ нею, дѣтскими годами, прожитыми среди нея. Людей—прежде всего за

ихъ страданія и за то добро, какое они могли бы выполнить, будь они поставлены въ другія условія жизни.

Сочувствіе страданіямъ людей выросло въ душѣ Шевченко тоже изъ непосредственно пережитыхъ впечатлѣній дѣтства въ хатѣ крѣпостного отца и матери крѣпачки. «Я в хаті бачив пекло», съ ужасомъ вспоминаетъ онъ: «там неволя, работа тяжкая, ніколи і помолитись не дають. Тамъ матір добрую мою—ще молодую—у могилу нужда та праця (работа) положила. Тамъ батько плачучи з дітьми (а ми малі були і голі), не витерпів лихої долі, умер на панщині... а ми разлилися межі людьми мов мишенята, я до школи носити воду школярамъ, брати на панщину ходили, поки лоби ім поголили (забрили въ солдаты); а сестри, сестри? Горе вам...»

Таково было дѣтство поэта, а самъ онъ избавился отъ крѣпостной зависимости, не дававшей ему развитіе лежавшія въ душѣ его дарованія, только уже въ 20-лѣтнемъ возрастѣ. И, получивши волю, онъ не перестаетъ страдать за своихъ родныхъ, а вмѣстѣ съ ними и за весь народъ, который онъ знаетъ. Непосредственное знаніе пародной жизни убѣждаетъ его, что въ душѣ этихъ рабовъ таятся глубоко человѣческія чувства, въ головѣ, склоненной надъ чужою работой, свѣтитъ ясная мысль. Что же мѣшаетъ ей проявиться, что, какъ не рабство, не голодъ, превращаетъ миллионную массу людей въ безсловесное орудіе обогащенія немногихъ. И Шевченко понималъ это не изъ книгъ, а непосредственной переработкой впечатлѣній. Какъ ученикъ философа Сковороды, онъ пробуетъ часто относиться къ разнообразнымъ жизненнымъ явленіямъ съ философскимъ спокойствіемъ: «У всякого своя доля і свій шлях (путь) широкий: Той муруе (строить), Той руйнуе (разрушаетъ), Той неситим оком За край світа зазирае (заглядываетъ), Чи нема країни (краю), Щоб загарбати (завладѣть) із собою Взять у домовину (в гробъ)...» Это обличительное вступленіе въ поему «Сонъ», однако, недолго идетъ въ спокойномъ тонѣ, и, вглядываясь въ то, что творится на землѣ, поэтъ раздражается воплемъ от-

чаянія, глядя, какъ «Латану свитину з каліки здіймають, з шкурою здіймають, бо нічим обути панят недорослих, ... вдову распинають за подушне, а сина кують, единого сина... в війско оддають, бо його бач трохи...»

А между тѣмъ Шевченкъ кажется, что люди могли бы такъ хорошо жить: «Як биб не похилилися раби!». Поэтъ взываетъ къ людямъ, силится разсѣять то мучительное недоразумѣніе, въ силу котораго люди позволяютъ себѣ другихъ людей «запрягать у ярма». «Схаменитесь (опомнитесь), недолюдки діти юродиві! Подивитесь на рай тихий, на свою Україну! Полюбите щирим (искреннимъ) сердцемъ вилику руйну! Розкуйтеся, братайтесь!.. *будьте люди!*» Это постоянное желаніе поэта: станьте людьми! и тогда «забудеться срамотня давняя година»; мать заплаканная улыбнется, люди обнимутся, и будетъ братъ и будетъ сестра, и тогда ясный, невечерній свѣтъ тихонько засвѣтитъ...

Эта чистая, глубокая вѣра высказывается простыми, всѣмъ понятными словами, и, читая ихъ, такъ очевидна становится вся искусственность нашей жизни, построенной на враждѣ, зависти, насилии, и такъ естественна, наоборотъ, жизнь братская, освѣщенная любовью. Въ этихъ словахъ поэта слышится вліяніе Сковороды, котораго Шевченко списывалъ ребенкомъ; національный философъ тоже говорилъ: «Вся Десятисловія сила вмѣщается въ одномъ словѣ—любовь. Она есть вѣчнымъ союзомъ между Богомъ и человѣкомъ—самъ Богъ именуется Любы»; или въ другомъ мѣстѣ: «Нѣтъ слаще для человѣка и нѣтъ нужнѣе какъ счастье, нѣтъ же ничего и легче сего. Счастье въ сердце, сердце въ любви». «Претрудно быть злымъ, легко быть благимъ», всѣмъ людямъ говорилъ украинскій философъ и онъ шелъ въ села къ простымъ людямъ и любилъ говорить: «барская сумность (спѣсь), будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшно: и какъ изъ утробы чернаго народа вылонились бѣлые господа?» Затѣмъ еще отголосокъ этихъ Сковородинскихъ разсужденій найдемъ въ той же поэмѣ «Сон»

и въ Посланіи «До мертвих і живих і ненароджених земляків»: «Какъ огонь и свѣтъ,—говоритъ Сковорода,—невидимо таятся въ кремнѣ и обнаруживаются ударомъ о кресало, такъ въ каждомъ народѣ таятся особая сущность народнаго характера и его воспитанія; раскрыть ее можно, только понимая сущность души народной, вотъ почему нельзя воспитывать народъ чужими выписными мудрецами»¹⁾.

У Шевченка тоже читаемъ: «У чужому краю не шукайте, не питайте Того що немає і на небі, а не тільки на чужому полі... Въ свой хаті—своя й правда й сила й воля!..» или: «Як би ви вчилися», обращается Шевченко къ украинской интеллигенціи, отступившей отъ своего родного, «такъ якъ треба, то й мудрость би була своя», и онъ измѣнившимъ своей націи, что «невчене око загляне їм в саму душу глибоко-глибоко... і премудрих немудрі одурять». Къ этому же порядку мыслей относится у пользующійся такой извѣстностью прекрасный конецъ поэмы «Сон»: «І чужому научайтесь и своего не цурайтесь, бо хто матір забуває, того Бог карає (наказываетъ), чужі люде цураються, в хату не пускають, свої діти мов чужі, і немає злomu на всій землі безконешній веселого дому.

Здѣсь вездѣ выступаетъ великая вѣра Шевченка въ духовныя силы своего народа, его вѣра въ то, что для него настанутъ лучшія времена, когда *правда* освѣтитъ все содержаніе народнои жизни:

Тоді, як, Господи, святая
На землю правда прилетить,
Хоч на годиночку (хоть на часок) спочить,

—тогда и «незреччі прозрять», «німим отверзуться уста», и пустыня проснется, оживутъ тогда и степи и дороги черезъ нихъ, и по этимъ дорогамъ «рабы» сойдутся въ радости, и пустыня населится веселыми селами. Этой «правды» Шевченко ждалъ со страстной тоскою:

¹⁾ См. сочин. Г. С. Сковороды. Изд. харьк. унив. 1893 г.

І день іде, і ніч іде,
І голову схопивши въ руки,
Дивуєшься: чому не йде
Апостол правди і науки?!

И чуть сомнѣніе въ приходѣ этой правды охватывало поэта, ему казалось, что «солнце стане и оскверненну землю спалить». Жизнь, желанная правильная жизнь состояла въ служеніи правдѣ: «І хочется—Боже милій, як хочеться жити і любити Твою правду і весь свѣтъ обняти!» Все счастье людей въ любви и въ правдѣ. Когда въ 1861 г. ждали со дня на день освобожденія крестьянъ, Шевченко привѣтствовалъ его словами: «солнце йде, і за собою день веде, і буде правда на землі!» Для водворенія правды необходимыми условіями являлись для него свобода и любовь—«братолюбіе». Таковъ былъ тотъ идеалъ жизни, какого поэтъ желалъ для Украины и для котораго онъ считалъ свой народъ готовымъ.

На этой широкой этической основѣ любовь къ родинѣ Т. Г. не могла ни суживаться до исключительности, ни перерождаться въ какую-либо агрессивность. Подъ вліяніемъ образованія, чтенія, встрѣчъ съ лучшими людьми тогдашняго времени, «патріотизмъ» Шевченка расширился въ горячее сочувствіе и чужимъ народнымъ массамъ. Хотя ему не удалось пройти систематически никакой общеобразовательной школы, онъ много читалъ, и его вдумчивая мысль извлекала изъ книгъ громадный матеріалъ для умственной работы. Заинтересовавшись судьбою Чехіи, онъ перечиталъ массу книгъ, и въ результатѣ появилась поэма Гусь. Въ теченіе всего 1845 года онъ творитъ поэмы, изображающія народную долю чеховъ, народовъ Кавказа, переводитъ псалмы Давида, гдѣ, въ формѣ еврейской жизни, выражены общія страданія народныхъ массъ. Видно, что мысль Шевченка занята именно сопоставленіемъ народной доли въ разныхъ странахъ въ разныя времена; какъ всегда у поэта, эта мысль претворялась у него въ яркіе образы. Творчество Шевченка дало бы, можетъ быть, намъ въ этомъ же направле-

ни еще болѣе богатые картины; но оно было грубо прервано въ самомъ расцвѣтѣ ссылкой въ казарму орской крѣпости и запрещеніемъ писать. Но и въ томъ, что вылилось въ этотъ періодъ высокаго подъема вдохновенія, Шевченко оставилъ намъ великій гуманный завѣтъ братолюбія, объединяющаго всѣхъ людей, всѣ народныя массы въ одинъ братскій союзъ. Страданія десятилѣтней военной службы, поднадзорнаго состоянія въ Закаспійскихъ степяхъ не уменьшили чуткости любящаго сердца Т. Г., и за годъ до смерти, въ 1860 году, въ «Молитвахъ» онъ даетъ тотъ же гуманный призывъ:

А всімъ намъ в-купі на землі (всѣмъ намъ вмѣстѣ)
Единодуміе подай
І братолюбіе пошли!

а всему рабочему люду онъ оставляетъ такое пожеланіе:

Работающимъ рукамъ,
Работающимъ умамъ
Перелогі орать,
Думать, сіять, не ждать
І посіяне жать
Работающимъ рукамъ!

Такимъ образомъ «патріотизмъ» Шевченка, нисколько не теряя своей интенсивности, переживаетъ очевидную эволюцію, которую можно легко прослѣдить по его Кобзарю: выступая въ первыхъ произведеніяхъ пылкимъ чувствомъ восторга передъ героическими подвигами героев прошлаго Украины, прославленіемъ ея борьбы съ притѣснителями, это чувство любви къ родному краю укрѣпляется сочувствіемъ современнымъ страданіямъ его населенія; оно расширяется вдумчивымъ отношеніемъ къ причинамъ этихъ страданій, сопоставленіемъ доли Украины съ долею другихъ угнетаемыхъ народовъ, становится теплымъ чувствомъ любви къ людямъ, къ народной массѣ вообще, любви, освѣщенной яснымъ довѣріемъ къ лучшимъ духовнымъ силамъ этой массы, пока придавленнымъ неволей, но готовыхъ развиться при первомъ вѣянніи свободы. Надъ Араломъ въ казармѣ онъ мечтаетъ:

Ходимо в селища: там люде,
 А там де люде, добре буде,
 Там будем жить, людей любить,
 Святого Господа хвалить!

Въ «Неофітахъ» Шевченко словами апостола даетъ людямъ дорогой для него идеаль жизни: «любовь, правда и добро, добро найкращее на світі — то братолюбіе». А чтобы осуществить въ жизни этотъ идеаль, поэтъ Украины въ цѣломъ циклѣ поэмъ воспѣваетъ самое гуманное душевное качество, умѣніе прощать—всепрощеніе: «Відьма», «Москалева Криниця», «Між скалами неначе злодій», «Не спалося, а ніч, як море» и др. Это великое чувство поэтъ находилъ въ измученныхъ сердцахъ самыхъ простыхъ людей и, обращаясь къ культурнымъ слоямъ, подчеркивалъ: «Оттакъ, люде, научайтесь ворогамъ прощати, Як сей неук!» заканчиваетъ Шевченко одну изъ своихъ короткихъ жизненныхъ поэмъ.

Такимъ образомъ «патріотизмъ» Шевченка можно признать за основу, на которой выросло сильное и широкое гуманное чувство не только къ украинскому народу, а къ людямъ вообще. Путемъ исканія счастья для своей Украины онъ пришелъ къ сознательному идеалу жизни, основанной на правдѣ и любви. Въ «Кобзарѣ» Шевченко простыми, глубоко прочувствованными словами высказываются эти идеалы, воплощаются въ образы и картины высокой художественной красоты. Это книга любви, и чѣмъ больше въ нее вчитываешься, тѣмъ больше чувствуешь ея гуманизмъ. Нельзя не отмѣтить отраднаго факта ежегодно возрастающаго распространенія «Кобзаря» среди простого сельскаго населенія Украины. Этимъ путемъ гуманизмъ великаго поэта мало-по-малу будетъ растворять сердца человѣческія, и эта великая книга станетъ «на сторожі» нравственнаго возрожденія украинскаго народа.